

Э. В. Рунг

АНТАЛКИДОВ МИР

Анталкидов или Царский мир 387/6 г. до н.э. явился своеобразным итогом развития греко-персидских контактов и оформил соответствующим образом ту политическую роль, которую стала играть Персия в межполисных отношениях балканских греков на протяжении нескольких десятилетий. И хотя этому договору посвящена довольно значительная исследовательская литература¹, он все еще остается довольно загадочным явлением в греческой истории IV в. до н.э. Это связано, прежде всего, с отсутствием текста самого мирного договора, который, по данным оратора Исократ (IV. 180; XII. 107), уже вскоре после его заключения был начертан на каменных стелах и выставлен для всеобщего обозрения в важнейших эллинских святилищах.

Так что все изложение основных условий Анталкидова мира, как правило, сводится только к рескрипту царя Артаксеркса II, который передает Ксенофонт (Hell. V. 1. 31). В значительном же большинстве исследований, посвященных Анталкидову миру, изучается не собственно договор, но военно-политическая и дипломатическая ситуация, приведшая к его заключению, а также его наиболее значимые политические последствия. Так, в частности, многие исследователи воспринимали Анталкидов мир как своего рода кульминационный момент греческой истории, да и в истории греко-персидских отношений, когда

¹ Специальные исследования по Анталкидову миру: *Underhill G.L.* Athens and the Peace of Antalcidas // CR. 1896. 10. P. 19–21; *Nolte F.* Die historisch-politischen Voraussetzung des Königsfriedens. Bamberg, 1923; *Wilken U.* Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens // Abhandl. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Hist.-phil. Kl. 1941. № 15; *Martin V.* Sur une interpretation nouvelle de la «Paix du Roi» // MH. 1949. 6. № 3. P. 127–139; *Levy M.A.* Le fonti per la paci di Antalcide // Acme. 1955. 8. P. 105–111; *Aucello E.* La genesi della Paci di Antalcida // Helicon. 1965. 5. P. 340–380; *Seager R.* The King's Peace and the Balance of Power in Greece 386–362 B.C. // Athenaeum. 1974. 52. № 1. P. 36–63; *idem.* The King's Peace and the Second Athenian Confederacy // CAH². 1994. Vol. 6. P. 156–186; *Sinclair R.K.* The King's Peace and the Employment of Military and Naval Forces 387–378 // Chiron. 1978. 8. P. 29–54; *Cawkwell G.L.* The King's Peace // CQ. 1981. 31. № 1. P. 69–83; *Schmidt K.* The Peace of Antalcidas and the Idea of Koine Eirene. A Panhellenic Peace Movement // RIDA. 1999. 3-e ser. T. 46. P. 81–96; *Urban R.* Der Königsfrieden von Jahre 387/86 v. Chr. Vorgesichte, Zustandkommen, Ergebnis und Politische Umsetzung / Historia Einzelschriften, 68. Wiesbaden, 1991; *Quass F.* Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. Chr. Zur Problematik einer allgemein-griechischen Friedensordnung // HZ. 1991. 252. S. 33–56; *Badian E.* The King's Peace // Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell / BICS. Suppl. 58. 1991. P. 25–48. Из отечественной литературы следует назвать только недавно опубликованную статью В.В. Антонова, в которой, впрочем, также рассматривается главным образом исторический контекст Анталкидова мира, а не сам мирный договор (*Антонов В.В.* Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 246–263). Лучшие исследования Царского мира принадлежат перу Дж. Кокуэлла и Э. Бэдиана.

влияние Персии на межполисные отношения в греческом мире достигает своего апогея². Между тем можно с уверенностью утверждать, что Анталкидов мир фактически определял политическую ситуацию в Греции только по крайней мере до конца 380-х годов до н.э., сохранял свою силу еще в 370-е годы до н.э. и, наконец, утратил свою значимость в 360-е годы до н.э. – за 20 лет до основания Коринфского союза Филиппом II. С формальной стороны этот договор прекратил свое существование уже к 375 г. до н.э., когда состоялось его первое возобновление. Причем вполне очевидно, что влияние Персии не было неизбежным и закономерным, а присутствовало только тогда, когда греки нуждались в персидской поддержке, и сходило на нет в тех случаях, когда такой поддержки не требовалось.

Приступить к обстоятельному исследованию Анталкидова мира представляется необходимым с обращения к военно-политической и дипломатической ситуации периода Коринфской войны, которую наиболее значимые греческие полисы вели против Спарты в 395–387 годах до н.э. Поражение спартанцев в морском сражении при Книде летом 394 г. до н.э., потеря влияния в Малой Азии, утрата островов Кикладского архипелага, наконец, оккупация персами о-ва Кифера и угроза самой Спарте, а также персидская финансовая помощь антиспартанской коалиции, – все это делало неопределенным перспективы спартанцев на достижение победы в войне в Греции. И даже отдельные успехи, какими, например, были победы спартанцев при Немее и Коронее, едва ли могли серьезным образом изменить ситуацию на театре военных действий. Спарта оказалась в той ситуации, когда, как и в период Пелопоннесской войны, она вынуждена была обратиться за помощью к Персии. Не вызывает поэтому особого удивления тот факт, что спартанцы начали склоняться к урегулированию своих отношений с Персией, надеясь прекратить войну на два фронта. С этой целью они вынуждены были выступить с инициативой заключения мира с персами и поручить переговоры Анталкиду, сыну Леонта³. Переговоры начались со встречи

² См. *Wilken U. Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. München, 1962. S. 200 ff.; *Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis die römische Keiserzeit*. München, 1960. S. 149, 219, 245, 253, 271 f., 285. Иногда исследователи подчеркивали роль дипломатии в греко-персидских отношениях того периода. Так, Дж. Балсер полагал, что в начале IV в. до н.э. Персия контролировала Грецию дипломатически – в отличие от начала V в. до н.э., когда персы стремились к достижению военного контроля над греками (*Balcer J.M. The Greeks and the Persians: the Processes of Acculturation // Historia*. 1983. 32. 3. S. 257). По мнению Дж. Хайлэнда, с Царским миром Персия закончила период прямого вмешательства в греческую политику, однако продолжала действовать как арбитр в дипломатических соглашениях в течение нескольких десятилетий IV в. до н.э. (*Hyland J.O. Tissaphernes and the Achaemenid Empire in Thucydides and Xenophon*. PhD Diss. Univ. of Chicago, 2005. P. 1–2). М. Царнт в большой статье, посвященной греко-персидским отношениям со времени Анталкидова мира 387/6 г. до н.э. и до создания Коринфского союза Филиппом II в 338/7 г. до н.э., стремится доказать, что фактически персидские цари, погруженные в свои собственные проблемы, не оказывали реального влияния на политическое положение в Греции (*Zahrnt M. Hellas unter Persischen Druck Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Abschluss des Königfriedens bis zur Gründung des Korinthischen Bundes // AKG*. 1983. 65. 2. S. 249–306).

³ Об этом см. *Smith R.E. The Opposition of Agesilaus' Foreign Policy 394–371 B.C. // Historia*. 1953/4. 2. 3. S. 274, 277; *Cawkwell G.L. Agesilaus and Sparta // CQ. NS*. 1976. 26. № 1. P. 68; *David E. Sparta between Empire and Revolution (404–243 B.C.)*. N.Y., 1981. P. 24; *Devoto J.G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace of 392/1 B.C. // CPh*. 1986. 81. № 1. P. 191. В какой степени выбор Анталкида в качестве посла в Персию был обусловлен

представителей основных воюющих сторон с сатрапом Тирибазом в Сардах и были посвящены обсуждению условий будущего мирного договора между греческими полисами. Дата этих переговоров точно не определена, но большинство исследователей полагают, что они предшествовали собранию в Спарте, которое, без сомнения, следует датировать весной 392/1 г. до н.э.⁴ Вообще нужно сказать, что очередность переговоров периода Коринфской войны является предметом дискуссии в историографии. Ксенофонт подробно рассказывает о ходе переговоров в Сардах (Hell. IV. 8. 12–15), но не упоминает о переговорах в Спарте; о последних же мы узнаем из речи оратора Андокида «О мире с лакедемонянами» (Andoc. III. passim), из введения к этой речи, содержащей ссылку на аттидографа Филохора (FGrHist. 328 F 149a), и из комментариев Дидима к речам Демосфена, где, также с обращением к Филохору, говорится об этих переговорах (F 149b). В. Юдайх, У. Вилькен и некоторые исследователи первой половины XX века считали, что переговоры в Спарте состоялись раньше⁵. Другие историки, однако, справедливо полагают, что собрание в Сардах было более ранним по времени, и это мнение в настоящее время решительно преобладает в литературе. Действительно, как мы убедимся далее, встреча представителей греческих полисов в Спарте представляет собой уже последующую стадию в развитии переговорного процесса⁶. Ксенофонт полагает, что, когда Анталкид

снижением влияния Агесилая на спартанскую внешнюю политику? Исследователи иногда считают, что Анталкид относился к той группировке в Спарте, которая сопротивлялась активной внешней политике в отношении Персии (Rice D. Agesilaus, Agesipolis and Spartan Politics, 386 to 379 B.C. // Historia. 1974. 23. 1. P. 165; Hamilton C.D. Sparta's Bitter Victories. Politics and Diplomacy in the Corinthian War. New York – Ithaca, 1979. P. 241), однако сам тезис о существовании в Спарте того периода трех политических групп (Лисандра, Агесилая и Павсания) может быть поставлен под сомнение; как представляется, борьба шла не между группировками, а между наиболее влиятельными личностями. Поэтому выбор Анталкида послом в Персию, несомненно, свидетельствовал о некотором снижении роли Агесилая в Спарте. В целом же Э. Давид справедливо считает, что мирные переговоры с персами первоначально наносили тяжелый удар спартанскому царю, если он позднее и приспособился к этой политике и даже использовал ее для своих собственных целей (David. Sparta... P. 24) (в то же время, как хорошо известно, Агесилай до конца жизни оставался противником Персии). Плутарх (Ages. 23), в частности, отмечает, что Агесилай не скрывал негативного отношения к Анталкидову миру, но вынужден был примириться с обстоятельствами.

⁴ Дата мирных переговоров в Спарте выводится из анализа речи Андокида и фрагмента Филохора. Последний (FGrHist. 328 F 149a) датирует их годом архонта Филокла – 392/91 г. до н.э. Андокид (III. 20) отмечает, что беотийцы «воюют уже четыре года» (аргументы: Поздеева В.И. Внешняя политика Афин в 394–386 гг. до н.э. // ВПЦ. 1959. № 1. С. 95–109).

⁵ Judeich W. Die Zeit des Friedensrede des Andokides // Philologus. 1926. 81. 2. S. 145 ff.; Wilken. Über Entstehung und Zweck... S. 4 ff.; Bengtson. Griechische Geschichte... S. 260–261; Hamilton. Sparta's Bitter Victories... P. 233 ff.

⁶ Cary M. The Ascendancy of Sparta // CAH. 1927. Vol. 6. P. 50; Martin. Sur une interpretation nouvelle... P. 137; Payrau S. ΕΠΗΝΙΚΑ. Considerations sur l'échec de quelques tentatives panhellenique au IVe siecle avant Jesus-Christ // REA. 1971. 73. № 1. P. 27 ff.; Sealey R. A History of the Greek City-States, 776–338 BC. Berkeley, 1976. P. 393–394; Hornblower S. The Greek World, 479–323 BC. L., 1983. P. 197; Devoto. Agesilaos, Antalcidas... P. 191 ff.; Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403–386 BC. L., 1986. P. 136 ff.; Badian. The King's Peace... P. 25–48; Urban. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr... S. 59–79; Jehne M. Die Friedensverhandlungen von Sparta 392/1 v. Chr. und das Problem der kleinasiatischen Griechen // Chiron. 1991. 21. S. 265 ff.; idem. Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedigungs- und Stabilisierungsbemühungen in den griechischen Poliswelt des 4 Jahrhunderts v. Chr. Stuttgart, 1994. S. 35–36.

отправился со своей дипломатической миссией в Малую Азию, он имел официальное поручение властей Спарты добиться мира между спартанцами и персидским царем – εἰρήβην τῇ πόλει ποιεῖσθαι πρὸς βασιλέα (Xen. Hell. IV. 8. 12). В ходе своей миссии Анталкид при посредничестве сатрапа Сард Тирибаза⁷ был уполномочен пойти на значительные уступки требованиям персидского царя, которые во многих аспектах совпадали с заключенным спустя семь лет Анталкидовым или Царским миром. Во время переговоров, которые состоялись в Сардах, Анталкид заявил Тирибазу, что он прибыл хлопотать о мире, условия которого совпадают с волей царя – οἰόσπερ βασιλεὺς ἐπέθυμει: спартанцы не оспаривают у царя греческих городов, находящихся в Азии; все прочие города и острова провозглашаются автономными (Xen. Hell. IV. 8. 14)⁸. Признание спартанцами этих условий фактически свидетельствует о провале целей, которые они ставили в ходе войны с персами, начатой, как известно, под лозунгом освобождения греков Малой Азии. Более того, спартанцы подтверждали свое фактическое поражение в этой войне, выражая готовность отказаться от продолжения борьбы за освобождение малоазийских греческих городов, и, наконец, формально даже закрепляли то положение, которое фактически уже сложилось после битвы при Книде 394 г. до н.э., когда спартанцы потеряли возможность контролировать ситуацию в этих городах⁹. Однако Анталкид на переговорах с Тирибазом преследовал и другую цель: убедить сатрапа стать союзником Спарты в борьбе с антиспартанской коалицией и усилившимися Афинами (Xen. Hell. IV. 8. 12). Двусторонние переговоры Анталкида и Тирибаза в итоге должны были привести к заключению спартано-персидского соглашения, аналогичного договорам периода Пелопоннесской войны.

Однако эти планы были сорваны совместными действиями антиспартанской коалиции, а принципы мирного договора, предложенные Анталкидом, стали

⁷ О положении Тирибаза см. *Schaefer H.* Tiribazos // RE. 1937. Bd 6A. Sp. 1432; *Devoto.* Agesilaos, Antalcidas... P. 193; *Keen A.G.* A «Confused» Passage of Philochoros (F 149 a) and the Peace of 392/1 B.C. // *Historia.* 1995. 64. 1. S. 3. Anm. 15. Согласно Ксенофону, Тирибаз был βασιλεὺς στρατηγός (Hell. IV. 8. 12). Прежде Тирибаз занимал должность сатрапа Западной Армении. Ксенофонт называет его другом царя и отмечает, что в его присутствии никто другой не помогал царю садиться на коня (Anab. IV. 4. 4). М. Осборн ошибочно считает, что Тирибаз в качестве сатрапа Сард сменил в 395 г. до н.э. Тиссаферна (*Oshorn M.J.* Orontes // *Historia.* 1973. 22. 4. S. 524). Однако на самом деле после Тиссаферна сатрапом Сард на непродолжительное время стал Арией (Hell. IV. 1. 27), и Тирибаз, вероятно, сменил в должности именно этого сатрапа. Специально о Тирибазе см. также *Meloni P.* Tiribazo satrapo di Sardi // *Athenaenaeum.* 1950. 28. P. 292–339.

⁸ По мнению Т. Райдера, Анталкид провозгласил целью своей миссии установление мира между царем и спартанцами, но действительные условия, которые он предложил, должны были привести к общему замирению в Греции: они были равносильны первому предложению соглашения всеобщего мира на основе автономии для всех государств (*Ryder T.T.B.* Koine Eirene. General Peace and the Local Independence in Ancient Greece. Oxf., 1965. P. 28). Особое место в истории древней Греции занимает проблема всеобщего мира (κοινὴ εἰρήνη), которой посвящена многочисленная литература. Обзор проблемы с ссылками на литературу см. *Гребенский Н.Н.* КОΙΝΗ ΕΙΡΗΝΗ и федеральное движение в Греции // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 20 сл.

⁹ Д.М. Льюис считает признание спартанцами малоазийских греческих городов во власти царя спартанской изменой панэллинизму (*Lewis D.M.* Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen // *Cincinnati Classical Studies.* № 1. Leiden, 1977. P. 145; cf. *Bengtson.* Griechische Geschichte... S. 261).

предметом обсуждения послами Коринфского союза¹⁰. Так, получив известие о миссии Анталкида, афиняне в свою очередь отправили делегацию к Тирибазу в Сарды (*ἀντιπέμπουσι πρέσβεις*), которая состояла из Конона и присоединившихся к нему афинских послов Гермогена, Диона, Каллисфена и Каллимедонта¹¹. Кроме афинских послов, в Сарды отправились представители других участников антиперсидской коалиции: Беотийского союза, Коринфа и Аргоса (*Xen. Hell. IV. 8.13*).

Ксенофонт отмечает, что основные возражения союзников по антиспартанской коалиции вызвали те условия мира, которые предусматривали автономию городов и островов. В этом не было ничего необычного. Противники Спарты надеялись на дальнейшее развитие своего успеха в борьбе со спартамцами в Греции и стремились сохранить свои позиции, которых они смогли достичь за предшествующий период войны. Афиняне не хотели терять острова Скирос, Лемнос и Имброс, находившиеся на пути подвоза зерна из Понта Эвксинского; фиванцы полагали, что эти условия мира приведут к признанию ими независимости беотийских городов, а следовательно, и к роспуску Беотийского союза; аргосцы, которые незадолго до того установили контроль над Коринфом, опасались, что им придется отказаться от своего приобретения (*Xen. Hell. IV. 8. 15*). Возражения противников Спарты на условия мира, предложенного Анталкидом, привели к провалу в целом мирных переговоров в Сардах: послы вынуждены были

¹⁰ О двустороннем характере переговоров Анталкида и Тирибаза см. *Ryder. Koine Eirene...* P. 28; *Seager R. Thrasibulus, Conon and Athenian Imperialism, 396–386 BC // JHS. 1967. 87. P. 104; idem. The King's Peace and the Balance of Power...* P. 36; *Devoto. Agesilaos, Antalcidas...* P. 193. По справедливому замечанию П. Дебора, действия афинян и их союзников трансформировали прежде двусторонние переговоры в международную конференцию (*Debord P. L'Asie Mineure au IVe siecle (412–323 a.C.): Pouvoirs et jeux politiques. Bordeaux, 1999. P. 253*).

¹¹ О личностях афинских послов мы имеем лишь очень скудную информацию. Как полагают исследователи, Каллимедонт был родственником афинского политика Агиррия, Дион был членом Совета, а Гермоген являлся учеником Сократа (*Perlman S. Athenian Democracy and the Revival of Imperialistic Expansion at the Beginning of the Fourth century B.C. // CPh. 1968. 63. № 3. P. 263. № 47; Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. P. 131, 138*). Не вполне ясно, какое положение в составе афинского посольства занимал сам Конон. По данным Ксенофонта (*IV. 8. 16*), уже после неудачного завершения переговоров в Сардах Тирибаз обвинил Конона в преступлении против царя и заключил его под стражу (обвинение, вероятно, основывалось на том, что Конон на персидские средства проводил политику возрождения Афинской морской державы: *Xen. Hell. IV. 8. 12*). Такое развитие событий может указывать, что Конон официально не входил в число афинских послов, а только сопровождал посольство (*Funke P. Homonoia und Arche: Athen und die griechischen Staatenwelt von Ende des peloponnesischen Kriegen bis zur Königsfrieden (404/3–387/6 v. Ch.) / Historia. Einzelschriften, 37. Wiesbaden, 1980. S. 137. Anm. 8; Urban. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr... S. 62. Anm. 206*). Б.С. Страусс подчеркивает, что именно Конон по своей инициативе направил афинское посольство к сатрапу Тирибазу (*Strauss B.S. Thrasibulus and Conon. A Rivalry in Athens in the 390s BC. // AJPh. 1984. 105. № 1. P. 40*). На это может указывать также и сочетание *μετὰ Κόνωνος* (*IV. 8. 13*), с которого Ксенофонт начинает свой рассказ о составе афинской делегации в Сарды. Несомненно, арест имел место уже после того, как афиняне отвергли условия мира. Как раз это допускают сообщения Диодора и Корнелия Непота о том, что Тирибаз специально вызвал Конона в Сарды, а затем уже поместил его под стражу (*Diod. XIV. 85. 4; Nepos. Conon. 5. 3*) (*Beloch. Griechische Geschichte. Bd 3. Abt. 2. S. 222; Perlman. Athenian Democracy... P. 263. № 47*). Присоединившись к афинской дипломатической миссии в Сарды, Конон мог рассчитывать, что своим опытом, приобретенным на службе у персов, и личным участием он сможет помешать «сделке» между Тирибазом и Анталкидом.

возвратиться в свои государства. Однако Ксенофонт, отмечая реакцию послов на предложения автономии городам и островам, ничего не говорит об их восприятии того условия, по которому малоазийские греки признавались находящимися в подчинении персидского царя. Возможно, однако, афиняне и другие союзники по Коринфской симмахии вообще обошли молчанием этот сложный вопрос, ибо рассчитывали на продолжение помощи Персии в войне. К тому же, в тот момент проблема малоазийских греков имела особое значение именно в ракурсе спартано-персидских взаимоотношений, учитывая то, что спартанцы в течение шести лет вели войну под лозунгом освобождения малоазийских греков.

После того как переговоры по поводу согласования всеобщего мира между воюющими сторонами постигла неудача, Тирибаз с готовностью принял все условия, первоначально предложенные Анталкидом и касающиеся исключительно спартано-персидского урегулирования отношений. Поэтому он заключил соглашение со спартанцами, а также выдал Анталкиду деньги на строительство флота. Ксенофонт особо подчеркивает, что сатрап действовал без одобрения царя (ἀνευ βασιλέως) и нуждался в подтверждении своих действий в Сузах (Hell. IV. 8. 15–16; Diod. XIV. 85. 4). С другой стороны, провал конференции в Сардах также побуждал Тирибаза посетить царский двор, поскольку сатрап должен был убедить Артаксеркса II возобновить персидскую помощь Спарте¹². Однако царь решил по-иному. Вместо Тирибаза Артаксеркс прислал в Малую Азию перса Струфа, ревностного сторонника афинян (Στρούθαας ἰσχυρῶς τοῖς Ἀθηναίοις... τὴν γῶμην προσεῖχε), который был решительно настроен на продолжение войны со Спартой (Xen. Hell. IV. 8. 17). Ксенофонт непосредственно не связывает прибытие Струфа с отставкой Тирибаза¹³. Тем не менее исследователи не сомневаются в мотивах поведения Артаксеркса и полагают, что Тирибаз не смог убедить персидского царя принять сторону Спарты и получить одобрения своим действиям¹⁴.

¹² Devoto. Agesilaus, Antalcidas... P. 194.

¹³ Проафинские симпатии Струфа помогли установить ему контакты с греческими городами Ионии. Милетская надпись этого времени предоставляет сведения по разрешению тяжбы между ионийскими городами Милетом и Миунтом из-за спорной территории в долине реки Меандра. О надписи см. *Hegyí D. Die ionische Poleis vom Kalliasfrieden bis zur Zeit der makedonische Eroberung // Hellenische Poleis. Kriese-Wandlung-Wirkung / Hrsg. von E.Ch. Welskopf. Bd I–IV. B., 1973. Bd 2. S. 1031; Lewis. Sparta and Persia... P. 143. Not. 55; Lanzillotta E. Le citta greche dell'Asia Minore dagli battaglia di Cnido alla paci di Antalcida // Scritti sul mondo antico in memoria di F. Grosso. Roma, 1981. P. 287. Ионийские дикасты, которым было поручено разрешение спора, обратились к персидскому царю и прибегли к арбитражу перса Струфа, названному в надписи сатрапом Ионии. — Στρούθης... ἐξαιτραλις ἑὼν Ἰωνίης (Ditt. Syll.³ 134 = Tod. II. 113). В надписи упоминаются дикасты из Эрифр, Хиоса, Клазомен, Лебедоса и Эфеса (названия других ионийских городов в надписи не сохранились). Из милетского декрета явствует, что около 391 г. до н.э. основные ионийские города были на стороне Персии. Следует заметить, что роль Струфа в качестве арбитра в споре между двумя ионийскими городами показывает укрепление юрисдикции персидских властей над греками Ионии. С другой стороны, приглашение ионийскими дикастами Струфа для разрешения спора может подразумевать добровольное признание ионийскими греками власти царя и сатрапов, а это должно было явиться следствием персидских обещаний независимости и свободы городам Малой Азии после битвы при Книде.*

¹⁴ Osborn. Orontes... S. 524; Adcock F., Mosley D.J. Diplomacy in Ancient Greece. N.Y., 1975. P. 68; Hamilton. Sparta's Bitter Victories... P. 248; Hornblower. The Greek World... P. 197; Devoto. Agesilaos, Antalcidas... P. 194; Keen. A «Confused» Passage of Philochoros... P. 4. Ч. Гамильтон, например, считает, что одной из причин отстранения Тирибаза было то, что царь все еще не был убежден в том, что Конон и афиняне представляли ему

Как мы увидим далее, на переговорах в Спарте весной 392/1 г. до н.э. царские условия мира также стали предметом обсуждения. Как и раньше в Сардах, они содержали важные пункты, предусматривающие автономию всем городам Греции и принципы всеобщего мира (Andoc. III. 14, 19). Однако если в Сардах афиняне отвергли условия мирного договора на том основании, что пункт об автономии городам Греции препятствовал их контролю над Лемносом, Имбросом и Скиросом, то в Спарте обсуждаемые условия мира уже специально оговаривали владение этими островами (Andoc. III. 12, 14, 23). Большую уступчивость проявили фиванцы, которые согласились предоставить автономию Орхомену (Andoc. III. 13, 20). В то же время и аргосцы, также отвергнувшие мир в Сардах, теперь, по данным Андокида (III. 27), заключили сепаратный мир со Спартой и больше не участвовали в войне.

Несмотря на достигнутые компромиссные условия, мирный договор был отклонен афинской эkkлeсией. Отказ заключить мир показывает возросшие внешнеполитические амбиции афинского демоса¹⁵. Андокид (III. 15) подчеркивает, что многие афиняне надеялись вернуть себе Херсонес Фракийский, колонии, имущество, которым граждане владели за границей, и предоставленные некогда ссуды, но с их устремлениями не были согласны не только афинские союзники, но и персидский царь¹⁶.

В историографии особую дискуссию вызывает вопрос об отношении Персии к переговорам в Спарте. В одном из фрагментов Филохора сохранилось сообщение, что во время этих переговоров обсуждался мир, предложенный персидским царем при Анталкиде, условия которого требовали передачу во власть царя малоазийских греков, и именно это требование персидской стороны явилось причиной отклонения мира афинянами и изгнания собственных послов, возвратившихся из Спарты. Филохор под годом архонта Филокла (392/1 г. до н.э.) сообщает: «И ниспослал Царь мир при Анталкиде (καὶ τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ' Ἀντιαλκίδου κατέλεμψεν ὁ βασιλεὺς), который афиняне не только не приняли, так как в нем было предписано всем грекам, населяющим Азию, находиться во владении царя (ἐγγυράτο ἐν αὐτῇ τοὺς τὴν Ἀσίαν οἰκοῦντας Ἕλληνας ἐν βασιλέως οἴκῳ εἶναι συννεμημένους), но и послов, ведших переговоры в Лакедемоне, изгнали по предложению Каллистрата, не дожидаясь суда: Эпикрата Кефисийца, Андокида Кидафинеяца, Кратина Сфетца, Эмбулида Элевсинца» (Philoch. FGrHist. 328 F 149a).

Таким образом, если следовать греческому историку, то получается, что в Спарте обсуждался царский рескрипт, содержащий пункт о политическом ста-

большую угрозу, чем спартанцы (*Hamilton. Sparta's Bitter Victories...* P. 248). По мнению Д. Льюиса и Дж. Девото, немаловажное значение в решении царя отказаться от договора, заключенного Тирибазом, играла ненависть царя к Спарте, доставившей ему столько проблем, особенно в период спартанских боевых действий в Малой Азии под руководством царя Агесилая (*Lewis. Sparta and Persia...* P. 147; *Devoto. Agesilaos, Antalcidas...* P. 194). Однако упоминание Ксенофонтом того факта, что Тирибаз действовал без одобрения царя, относится только к заключению соглашения с лакедемонянами и отнюдь не доказывает, будто бы сатрап не был уполномочен вести переговоры о мире со Спартой и ее противниками. Поэтому мнение исследователей, что Великий царь отклонил спартанские предложения мира, не может быть безоговорочно принято (см., например, *Jehne. Die Friedensverhandlungen von Sparta...* S. 267–268). Вероятно, Артаксеркс воспрепятствовал лишь соглашению Тирибаза с Анталкидом, направленному против Афин и их союзников, и не более.

¹⁵ *Sealey. A History of the Greek City-States...* P. 395.

¹⁶ Таким образом, очевидно, что политика Афин, направленная на возрождение Афинской державы, входила в противоречие с интересами царя.

туса малоазийских греков. В целом, исследователи не сомневаются в аутентичности фрагмента Филохора¹⁷. Дело в том, что в нем, по-видимому, сохранен греческий вариант подлинного рескрипта персидского царя, как показывают наблюдения в отношении фразеологических оборотов, присутствующих во фрагменте. Из них особо примечательны выражения *καὶ τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ' Ἀνταλκίδου κατέτεμψεν ὁ βασιλεύς*, а также *ἐν βασιλέως οἴκῳ*: первое довольно часто встречается у античных авторов, когда они рассказывают об Анталкидовом мире¹⁸; второе же выражение обычно присутствует в тех греческих текстах, которые представляют собой перевод персидских документов, и отражает восприятие персами своей державы как *дома царя*¹⁹. Мнения исследователей расходятся лишь в определении того, обсуждался ли царский рескрипт на переговорах в Спарте в 392/1 г. до н.э.²⁰, или рассказанный Филохором эпизод следует относить уже к Анталкидовому миру, заключенному пять лет спустя²¹. Компромиссную позицию занимает Ф.С. Пауналл, который предполагает, что

¹⁷ См. *Gibson C.A. Interpreting a Classic: Demosthenes and His Ancient Commentators*. Berkeley, 2002. P. 114–115; см. также анализ сообщения Филохора в изложении Дидима: *Harding Ph. Didymos: on Demosthenes*. Oxf., 2006. P. 164–177.

¹⁸ *Xen. Hell.* V. 1. 35–36; *Dem.* XX. 54. 2; *Polyb.* I. 6. 2; IV. 27. 5; VI. 49. 5; *Diod.* XV. 19. 1; *Strabo.* VI. 4. 2; *Plut.* Artax. 21. 5; *Arr.* Anab. II. 1. 4.

¹⁹ Выражение *οἶκος βασιλέως* – «дом царя» – представляет собой кальку с соответствующего древнеперсидского термина. Встречается оно в письме Дария I своему сатрапу Гадату (ML, № 12, 16–17: *μηγάλη χάρις ἐν βασιλέως οἴκῳ*) и в труде Геродота (V. 31; VI. 9). Сведения Фукидида (I. 129. 3; 137) показывают, что выражение «дом царя» присутствовало в переписке между царем Ксерксом и спартанским военачальником Павсанием, а также Фемистоклом и Артаксерксом I в 470–460-е годы до н.э. В древнеперсидских надписях выражение «дом царя» (*viθam*) могло иметь в зависимости от контекста различные значения: правящего рода Ахеменидов или же царского дворца (DB, I. 69, 71; IV. 66; DPc; DPe, 24; DPh, 10; DPl; DNa, 53; DNb, 30; DSe, 51; DSg, 3; DSi, 9; DH, 8; XPh, 58; XPl; XH; AII; A2Hc, 20). Собственно говоря, греческий аналог *οἶκος βασιλέως*, помимо обозначения царского рода Ахеменидов, мог вполне употребляться применительно ко всей Персидской державе, которую персидские монархи воспринимали как свое законное владение. Отражение персидских идеологических представлений об Азии как владении Великого царя в произведениях греческих авторов V в. до н.э.: *Рунг Э.В.* Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н.э. // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 4. СПб., 2005. С. 136 сл.

²⁰ Основные аргументы в пользу того, что фрагмент Филохора относится к мирным переговорам в Спарте 392/1 г. до н.э., см. *Beloch K.J. Griechische Geschichte*. 2 Aufl. В.–Lpz, 1927. Bd 3. Abt. 1. S. 81; *Martin*. Sur une interpretation nouvelle... P. 133; *Barbieri G. Conone*. Roma. 1955. P. 175–182; *Lewis*. Sparta and Persia... P. 146. Not. 68; *Roberts J.T.* Athenian Conservatives and the Impeachment Trials of the Corinthian War // *Hermes*. 1980. 108. 4. S. 104; *Cawkwell*. The King's Peace... P. 70; *Strauss*. Athens after the Peloponnesian War... P. 137; *Keen A.G.* A «Confused» Passage of Philochoros... S. 1–10; *idem*. Philochoros F 149 A and B: A Further Note // *Historia*. 1998. 47. 3. S. 375–378.

²¹ Литературу в пользу того, что этот фрагмент передает реальный рескрипт царя времени Анталкидова мира, см. *Bruce I.A.F.* Athenian Embassies in the Early Fourth Century BC // *Historia*. 1966. 15. 3 S. 278; *Ryder*. Koine Eirene... P. 32–33; *Hamilton*. Sparta's Bitter Victories... P. 233 ff.; *Devoto*. Agesilaos, Antalcidas... P. 191; *Badian*. The King's Peace... P. 29–32. И Брюс пишет, что «...конгресс в Спарте в 392/1 г. до н.э. не касался мира, который царь исполнил: это была попытка достичь мира в Греции, о котором с Персией не проконсультировались» (*Bruce*. Athenian Embassies... P. 278). Э. Бэдиан в одной из своих работ считает более поздним мифом то, что афиняне отвергли мир 392/1 г. до н.э. на том основании, что он передавал царю греков Азии (*Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // *Die athenische Demokratie im 4 Jahrhundert v. Chr. Akten eines Symposiums 3–7. August 1992*, Bellagio / Ed. W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 84. Anm. 19).

указанное сообщение Филохора должно быть отнесено к переговорам в Сардах²²; на них действительно обсуждался вопрос о признании власти царя над греческими городами Малой Азии, поставленный Анталкидом, но, вероятно, в согласии с царским рескриптом. Итак, как же нужно интерпретировать свидетельство Филохора Во-первых, на наш взгляд, этот фрагмент не может служить доказательством того, что описанные в нем события принадлежали к предыстории Анталкидова мира. Помимо датировки события архонтом Филоклом (392/1 г. до н.э.), во фрагменте упоминается отклонение афинянами условий мирного договора и изгнание ими послов, участвовавших в переговорах в Спарте. Между тем хорошо известно, что Афины вынуждены все же были принять Анталкидов мир, хотя и последними из греков (Ael. Arist. I. 293). Еще более показательны сведения источников о судьбе афинских послов в Спарту, которыми были Эпикрат из Кифисия, Андокид из Кидафин, Кратин из Сфетта, Эвбулид из Элевсина²³.

Противники того, чтобы помещать сообщение Филохора в исторический контекст конференции 392/1 г. до н.э. в Спарте, выдвигают своим аргументом то обстоятельство, что на этих переговорах не обсуждались условия мира, ниспосланные царем при посредничестве Анталкида. Даже во время переговоров в Сардах, – как считают исследователи, более ранних по времени – Анталкид не получал аудиенции у персидского царя, а был в контакте только с Тирибазом. Однако это не исключает возможности, что рескрипт царя стал известен грекам

²² Pownall F.S. *Presbeis Autokratores: Andocides' De Pace* // Phoenix. 1995. 49. № 2. P. 142–143. Аналогичным образом, еще ранее Э. Харрис отмечал, что Дидим просто перепутал Анталкидов мир с непринятыми предложениями Анталкида в 392/1 г. до н.э. (Harris E.M. *More Chalcenteric Negligence* // CPh. 1989. 84. № 1. P. 37).

²³ Поездка Андокида в составе афинского посольства в Спарту в 392/1 г. до н.э. подтверждается как датировкой сохранившейся речи оратора «О мире с лакедемонянами», так и гипотезисом к этой речи, содержащей ссылку на Филохора (FGrHist. 328 F 149b). Указание на изгнание Андокида в связи с посольством в Спарту содержится в произведении Псевдо-Плутарха «Жизнь десяти ораторов»: «Посланный в отношении мира в Лакедемон, он (Андокид, Э.Р.) был осужден и изгнан» (*Ps.-Plut. Andoc. 12*). Несмотря на очевидную связь посольства Андокида в Спарту и его изгнания из Афин, некоторые исследователи выдвигают предположение, что Андокид отправился в изгнание после посольства 386 г. до н.э., в течение которого участвовал в переговорах по поводу Анталкидова мира. И Брюс, например, пишет: «Вера в то, что Андокид был изгнан в 391 г., – только предположение, так как мы знаем, что он отправился в Спарту в 392/1 г. до н.э. и по возвращении обнародовал речь. Источники, которые упоминают его изгнание, не объясняют, когда именно он был изгнан, и вполне возможно, что Андокид был снова послан в Спарту в 386 г. до н.э.» (Bruce. *Athenian Embassies...* S. 279). Собственно говоря, и Д. Кинаст считает Эпикрата, Андокида, Кратина и Эвбулида послами в Спарту в 386 г. до н.э.: *Kienast D. Presbeia (Πρεσβεῖα), griechisches Gesandtschaftswesen* // RE. 1973. Suppl. 13 (zum 22 Bd). Sp. 601. Сведения об участии в посольстве и изгнании Эпикрата еще более представительны и определены хронологически. Обратимся к свидетельствам Демосфена и Лисия. Демосфен в речи «О предательском посольстве» отмечает, что афиняне приговорили к смерти послов, среди которых был Эпикрат. Оратор перечисляет обвинения, предъявленные послам: они в посольстве действовали вопреки предписанию; некоторые из них уличены в том, что докладывали Совету и сообщали в письмах неправду, лгали насчет союзников и принимали подкуп. Далее Демосфен (XIX. 277–280) также сообщает, что смертную казнь Эпикрату заменили изгнанием. В речи «Против Эпикрата» (XXVII. 1) Лисий упоминает об обвинениях Эпикрата и «бывших с ним послов», причем суд над ним, по данным оратора, имел место еще до завершения Коринфской войны. Таким образом, указанные свидетельства подтверждают, что по крайней мере Андокид и Эпикрат действительно участвовали в посольстве в Спарту и были осуждены по возвращении; о судьбе остальных афинских послов ничего не известно.

еще на переговорах в Сардах, вероятно, при посредничестве сатрапа Тирибаза; возможно также, что этот рескрипт был доставлен неким персидским посланцем прямо в Грецию накануне переговоров в Спарте²⁴. Выражение τὴν εἰρήνην τὴν ἐλ' Ἀντιοκίδου во фрагменте Филохора, конечно, должно относиться к Анталкидову миру, но появление этой фразы в связи с более ранними переговорами тоже объяснимо: античные авторы, как известно, считали, что условия мирного договора, которые обсуждались в 393/2 г. до н.э., почти дословно совпадали с условиями Анталкидова мира 387/6 г. до н.э.²⁵ Поскольку переговоры в Сардах и Спарте завершились неудачей, Коринфская война продолжалась еще по меньшей мере пять лет.

Новую попытку заключить мирный договор с Персией спартанцы предприняли только в 387 г. до н.э. в изменившейся политической ситуации. В 390 г. до н.э. началась Кипрская война Эвагора Саламинского против царя Артаксеркса II, которая продолжалась 10 лет и мобилизовала значительные ресурсы персов²⁶. Союзниками Эвагора в этой войне стали афиняне, которые тем самым спровоцировали разрыв своих отношений с Персией²⁷. Немного позднее, в 388 г. до н.э., афиняне заключили союз с Египтом (Aristoph. Plut. 178 cum schol.; о союзе Эвагора и египетского царя Акориса см. Theop. FGHist. 115. F 103. 1), который сохранял независимость от Персии с конца V в. до н.э. И наконец, афинский стратег Фрасибул после 389 г. до н.э. развернул военную активность в греческих полисах Малой Азии, видимо, поставив своей целью возрождение афинского морского союза²⁸.

²⁴ В пользу того, что проблема малоазийских греков могла обсуждаться на переговорах в Спарте, обычно приводят также отрывок из «Менексена» Платона (245b-c), который, однако, интерпретируется далеко не однозначно (об этом см. *Badian. The King's Peace...* P. 32; *Jehne. Die Friedensverhandlungen von Sparta...* S. 268–269; *Keen. A «Confused» Passage of Philochoros...* P. 4; *Pownall F. Lessons from the Past: The Moral Use of History in Fourth Century Prose.* Michigan, 2003. P. 44)

²⁵ См. *Keen. Philochoros F 149 A and B: A Further Note...* S. 375 ff.

²⁶ Хронология Кипрской войны не вполне ясна, но к настоящему времени заметна тенденция к консенсусу в отношении начала и завершения войны – ок. 390–380-х годов до н.э. В пользу этой датировки см. *Tuplin C.J. Lysias XIX, the Cypriote War and Thrasibulus' Naval Expedition // Philologus.* 1983. 127. P. 170–176; *Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt and the Date for the Battle of Citium // Phoenix.* 1991. 45. № 1. P. 1–20.

²⁷ В 393 г. до н.э. Афины удостоили Эвагора еще одним почетным декретом, признав его царем Саламина В этом декрете предписывалось увенчать Эвагора золотым венком, наградить проэдрией на афинских трагедиях в театре; ему была также воздвигнута статуя рядом со статуей Конону (IG II². 21; *Paus.* I. 3. 2; *Isocr.* IX. 57; *Dem.* XX. 70) (см. *Lewis D.M., Stroud R.S. Athens Honors King Evagoras of Salamis // Hesperia.* 1979. 42. № 2. P. 180–193). Кроме того, благодаря связям Эвагора и Конона в Афинах планировали породнить Эвагора с Дионисием Сиракузским и объединить их в союзе против Спарты (*Lys.* XIX. 19–20). По свидетельству оратора Лисия (XIX. 21, 43), Афины посетили послы Эвагора с просьбами о военной помощи. Несмотря на опасность разрыва отношений с персами, в Афинах была организована помощь Эвагору; главным образом благодаря стараниям друзей Конона, в частности Аристофана, сына Никофема, саламинские послы встретили хороший прием (*Lys.* XIX. 27), им были предоставлены корабли, выделено некоторое количество денег, за счет которых они получили возможность нанять матросов, пельтастов и купить оружие (*Lys.* XIX. 21). Кроме того, афиняне постановили снарядить 10 триер (*Lys.* XIX. 21). Возможно, это были те самые 10 триер, с которыми Филократ, сын Эфиальта, отправился на Кипр «по союзу с Эвагором» (*Xen. Hell.* IV. 8. 23).

²⁸ О политике Фрасибула см., в частности: *Schwahn W. Thrasylbulus (3) // RE.* 1936. 2 Reihe. Hlbd 41. Bd 6A. Sp. 568–576; *Cawkwell G.L. The Imperialism of Thrasylbulus // CQ.* 1976. 26. № 2. P. 270–277; *Антонов. Анталкидов мир...* С. 250–254. Фрасибул организовывал сбор дани с малоазийских греческих городов, от Клазомен (IG II². 28), которые позднее по условиям Анталкидова мира отойдут под власть Великого царя, и до Аспенда на Эвримедонте (*Xen. Hell.* IV. 8. 30).

Несмотря на то что после заключения союза афинян с Эвагором еще некоторое время продолжала сохраняться видимость союзнических отношений между Афинами и Персией, существуют свидетельства, что персидский царь изменил свое отношение к афинянам. В одном фрагменте Феопомпа сохранилось сообщение, что в 390 г. до н.э. Артаксеркс передал верховное руководство войной против Эвагора Автофрадату (στρατηγὸν ἐπιστήσας), который назван сатрапом Лидии (Λυδίας ἐξασπράτην), и назначил навархом сатрапа Карики Гекатомна (Theop. FGrHist. 115. F 103. 4). Принимая во внимание тот факт, что в упоминавшейся уже милетской надписи Струф назван сатрапом Ионии, некоторые ученые полагают, что после отставки Тирибаза обширная Сардийская сатрапия была поделена на три отдельные сатрапии: Иония, Лидия и Карики²⁹. Между тем представляется уместным предположить, что если раздел сатрапий и имел место, то его следствием было выделение из Сардийской сатрапии только Карики под управлением зависимого от царя династа Гекатомна, тогда как Автофрадат сменил в конце 390-х годов до н.э. проафински настроенного Струфа, который стал сатрапом Сард в качестве преемника Тирибаза³⁰. Только эта замена Струфа Автофрадатом могла отражать адекватную реакцию персидского царя на афинскую военную поддержку мятежа Эвагора. Назначение командующим в Кипрской войне Автофрадата вынуждало его проводить враждебную политику к Афинам. С другой стороны, после замены Автофрадата вновь назначенным сатрапом Сард Тирибазом в 388 г. до н.э., последний взял на себя руководство персидскими силами в Кипрской войне (Theop. FGrHist. 115. F 103. 9; Diod. XV. 2. 2). Одновременно Артаксеркс отозвал из Малой Азии Фарнабаза под предлогом вступления его в брак с царской дочерью; таким образом был деликатно устранен сатрап, который мог служить помехой новому сближению Спарты и Персии ввиду того, что он по-прежнему продолжал взаимодействовать с афинянами. В результате этого Фарнабаз был заменен на посту даскилийского сатрапа Ариобарзаном – гостеприимцем Анталкида (Xen. Hell. V. 1. 28).

В такой ситуации дальнейшего обострения афино-персидских взаимоотношений Артаксеркс должен был уже иначе смотреть на перспективы своего союза со Спартой. В 387 г. до н.э. свою основную задачу спартанцы и персы видели в воспрепятствовании укреплению афинского влияния в Восточном Средиземноморье. Средством к этому обе стороны могли считать скорейшее окончание

²⁹ Olmstead A.T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948. P. 390; Bengtson. Griechische Geschichte... S. 261; *idem*. The Greeks and the Persians from the Sixth to Fourth Centuries. L., 1969. P. 210; Osborn. Orontes... S. 524; Zahrnt. Hellas unter persischen Druck S. 293; Debord. L'Asie Mineure... P. 254–255.

³⁰ Fiehn. Struthas // RE. 1931. 2 Reihe. Hlbd 7. Sp. 384. Дж. Девото считает Струфа, так же как и Тирибаза, караном и сатрапом Сард (*Devoto*. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace... P. 197). Д. Льюис допускает возможность, что Автофрадат был сатрапом Лидии позднее, и его упоминание Феопомпом не исключает положение Струфа как сатрапа Сард (*Lewis*. Sparta and Persia... P. 118. № 75). Э. Кин считает Струфа караном и сатрапом Сард, а Автофрадата – «подчиненным сатрапом» (*Keen A.G.* Persian Karanoi and their Relationship to the Satrapal System // Ancient History in a Modern University: Proceedings of a Conference Held at Macquarie University, 8–13 July, 1993. Vol. 1. P. 92–93). В пользу того, что Тирибаз, Струф, Автофрадат и снова Тирибаз последовательно занимали должность карана и сатрапа Сард, см., в частности: *Petit M.* À Propos des «satrapies» ioniennes et cariennes // BCH. 1988. 112. P. 309–312 (который также отрицает факт существования отдельной сатрапии Ионии в тот период). Ксенофонт называет Струфа управляющим приморской сатрапией (Hell. IV. 8. 17), а Диодор – стратегом приморской сатрапии (XIV. 99. 1).

Коринфской войны и заключение мирного договора на принципах автономии для всех городов Греции. Кроме того, персы принимали в расчет и прежнюю готовность спартанцев признать власть персидского царя над малоазийскими греками и намеревались вновь поднять этот вопрос.

В начале 387 г. до н.э. Анталкид и Тирибаз совершили поездку в Сузы (Xen. Hell. V. 1. 25). Основной целью переговоров в Сузах было достижение мирного соглашения между Спартой и Персией. Как представляется, эта поездка была вызвана тем фактом, что обе стороны должны были учитывать прежний неудачный опыт достижения соглашения без непосредственного обращения к персидскому царю. На предстоящих переговорах Анталкид, поддерживаемый сатрапом Сард, рассчитывал изложить Артаксерксу спартанские условия мира и выслушать его мнение по этому вопросу. К сожалению, ход и результаты переговоров в Сузах остаются все еще не до конца выясненными. Ксенофонт сообщает только, что в ходе визита Анталкида и Тирибаза в Сузы персидский царь дал согласие на союз со спартанцами, если афиняне и их союзники не примут мирных условий (Xen. Hell. V. 1. 25).

Диодор рассказывает о переговорах в Сузах более подробно. Согласно историку, спартанцы, будучи истощены войной как с греками, так и с персами, отправили наварха Анталкида к Артаксерксу добиваться мира (Diod. XIV. 110. 2). По данным Диодора, после переговоров Артаксеркс изложил условия, на которых он был согласен заключить мир, в своей основе совпадавшие с предложенными Анталкидом: греческие города, находящиеся в Азии, должны принадлежать царю, тогда как всем другим грекам надлежало быть автономными. С не повиновавшимися и не принявшими договор Артаксеркс II обязался воевать (Diod. XIV. 110. 3). Таким образом, персидский царь продиктовал мир, который должны были принять все греки. Следует заметить, что ни из сообщения Ксенофонта, ни из отрывка Диодора прямо не следует, что спартанцы уже в Сузах заключили мир и союз с персидским царем. Но формально Спарта была единственным греческим государством, находившимся в войне с Персией, и новый мирный договор должен был завершить эту войну³¹. У. Вилькен ссылается на другое сообщение Ксенофонта, из которого становится понятно, что уже вскоре после посещения Анталкидом Суз, но еще до заключения официального мира между греками Артаксеркс II считался союзником спартанцев (Xen. Hell. V. 1. 29). На основании этого свидетельства и данных Диодора ученый полагает, что «симмахия могла объединить только те две державы, между которыми был мир»³². Наконец, Исократ подтверждает существование договора между Спартой и Персией 387 г., провозглашающего союз «на вечные времена» (Isocr. IV. 128).

Основная причина, побудившая царя в 387 г. до н.э., в отличие от 392 г. до н.э., согласиться на мир с греками, заключалась в его озабоченности развитием войны с Кипром и Египтом. Во-первых, Артаксеркс II преследовал цель лишить Эвагора и Акориса афинской помощи, а во-вторых, развязать себе руки для более активной политики в отношении последних. Именно этот факт побуждал царя особо заявить притязания на Кипр в своем эдикте, переданном Тирибазу в

³¹ Hamilton. Sparta's Bitter Victories... P. 305.

³² Wilken. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens... S. 13. Напротив, В. Мартэн полагает, что вплоть до окончания Коринфской войны не существовало мира между Персией и каким-либо греческим государством, а переговоры в Сузах касались только завершения конфликта между греками (Martin V. L'histoire diplomatique dans la tradition litteraire au IV siecle av. J.C. // МН. 1944. 1. № 1. P. 23).

Сузах (Xen. Hell. V. 1. 31), и фактически только после заключения Анталкидова мира Персия начала решительное наступление на Кипр и Египет³³. В ходе переговоров в Сузах было достигнуто двустороннее соглашение между спартанцами и персидским царем, заключенное при посредничестве Анталкида и Тирибаза по типу того, который планировался несколько лет назад при первой встрече этих двух деятелей. Именно такое соглашение должно было быть целью спартанской дипломатии, и без достижения такого урегулирования отношений Спарты и Персии переговоры теряли свой смысл. Примирение с Персией послужило достаточным основанием для получения спартанцами в скором времени персидской военной помощи, вызвавшей обеспокоенность в Афинах (Xen. Hell. V. 1.28–29). Несомненно также, что отчасти Анталкид сумел добиться своих целей в ходе поездки в Сузы благодаря искусству дипломата и личным качествам³⁴.

К началу 387 г. до н.э. афиняне и другие участники антиспартанской коалиции оказались в крайне тяжелом положении. Спартанский флот блокировал Аттику, подверг непосредственной угрозе порт Пирей (Xen. Hell. V. 1. 20–24). Действия флота Анталкида препятствовали подвозу зерна в Афины из Понта Эвксинского, создавая напряженную экономическую и социальную обстановку в городе (Xen. Hell. V. 1. 28)³⁵. Не в лучшем положении оказались и афинские союзники, которые еще ранее выражали готовность заключить мир (особенно Фивы). В этой ситуации по предложению Анталкида делегаты греческих городов, участвующих в Коринфской войне, собрались в Сардах, где заслушали представленный Тирибазом рескрипт царя, который в конечном итоге лег в основу Анталкидова (Царского) мира. Не исключено, что уже перед дипломатической конференцией в Сардах 387 г. до н.э. в греческих государствах началось бурное публичное обсуждение условий мирного договора, заявленного Артаксерксом через Анталкида. Ксенофонт говорит, что в Сардах послы должны были принести клятвы персидскому царю от имени своих государств в верности условиям мира (Hell. V. 1. 32). Последний факт означает, что содержание царского рескрипта было известно грекам уже загодя, поскольку послы из греческих государств должны были иметь соответствующие полномочия от правящих кругов своих полисов.

С другой стороны, на последующей конференции в Спарте состоялась официальная церемония заключения мира, который объявлял автономию греческих полисов (кроме островов Клазомен и Кипра), передавал эллинские полисы Малой Азии во власть персидского царя, а самого Артаксеркса II делал гарантом соблюдения условий соглашения. К сожалению, нам не известны многие подробности, касающиеся процесса заключения мира, но можно с уверенностью сказать, что предметом основных споров в греческих государствах теперь стала статья, признающая власть персидского царя над малоазийскими греческими городами. Фактически в этот период на роль покровителя азиатских греков стали вновь претендовать Афины, которые за предшествующие несколько

³³ Reid C.I. Ephoros Fragment 76 and Diodoros on the Cypriote War // Phoenix. 1974. 28. № 1. P. 138; Shrimpton. Persian Strategy against Egypt... P. 2 ff.

³⁴ Этот факт особо подметил У. Вилькен Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens... S. 13). См. также Hamilton. Sparta's Bitter Victories... P. 307.

³⁵ Лисий в своей речи «Против хлебных торговцев» (XII. 14) отмечает возросшее количество случаев спекуляции хлебом в Афинах, вызванные отчасти блокадой Гелеспонта спартанцами.

лет добились значительного успеха в укреплении своих связей с греческими городами, находящимися в Азии. Именно с признанием такой роли за Афинами могла быть связана просьба к афинянам, которая присутствует в одной надписи из Эрифры времени Анталкидова мира, – «не передавать эритрейцев варварам» (μη ἐκδίδοσθαι Ἐρυθραίους τοῖς βαρβάροις – SEG. 1976. XXVI. № 1282). Ответ афинян на эту просьбу не сохранился. Диодор также отмечает, что афинянам и фиванцам было тяжело оставить персам азиатские греческие города, но не имея возможности сражаться и под давлением необходимости, они согласились на мир (Diod. XIV. 110. 4). Кроме того, позднеантичный ритор Элий Аристид сообщает, что последними на мир согласились афиняне; в противном случае они были бы вынуждены воевать не только с лакедемонянами и пелопоннесцами, но и с персидским царем, с фракийским царем Севтом и даже тираном Дионисием Сиракузским (Ael. Arist. I. 293; о позиции Сиракуз в Коринфской войне: Xen. Hell. V. 1. 26).

* * *

Постараемся постулировать принципиальные отличия Анталкидова мира от предшествующих ему греко-персидских соглашений. Что касается терминологического аспекта, то мы должны принять во внимание первое появление для обозначения мирного договора слова εἰρήνη, которое часто начинает употребляться вместо другого определения – σπονδαί (им обозначались как все прежние межполисные мирные договоры, так и двусторонние соглашения греческого полиса и Персии в V в. до н.э.: Каллиев мир, Эпиликов мирный договор, спартано-персидские соглашения)³⁶. Ксенофонт дважды употребляет слово мир (εἰρήνη) применительно к договору 387/6 г. до н.э. в следующих сочетаниях: «мир, который ниспослал царь» (εἰρήνη ἣν κατέλεψε βασιλεύς) (Xen. Hell. V. 1. 35), «царем ниспосланный мир» (τῆς ὑπο βασιλείως καταλεμφθείσης εἰρήνης) (V. 1. 36).

Собственно же выражение «Царский мир» – [βασι]λέως εἰ[ρή]νης, присутствует в афинской надписи 369/8 г. до н.э., которая содержит текст союзного договора афинян и тирана Дионисия Сиракузского, в которой последнего восхваляют за помощь в согласовании «Царского мира», который заключили «афиняне, лакедемоняне и другие эллины» (IG II². 103, сткк. 23–26)³⁷.

Другое общепринятое название мирного договора, «Анталкидов мир», также сообщает Ксенофонт, употребляя выражение ἐπ' Ἀνταλκίδου εἰρήνης

³⁶ Quass. Der Königfriede vom Jahr 387/6 v. Chr. S. 41–42. Об изменении σπονδαί на εἰρήνη в IV в. до н.э. см. Troncoso V.A. War, Peace and International Law in Ancient Greece // War and Peace in the Ancient World / Ed. K. Rauflaub. Oxf., 2007. P. 209, 220–221. Теоретическое обоснование различий между εἰρήνη и σπονδαί как «миром» и «мирным договором» принадлежит Андокиду в речи «О мире с лакедемонянами» 392/1 г. до н.э. (III. 11), который писал: «Ведь мир и мирный договор отнюдь не одно и то же: мир заключают друг с другом на равных условиях те, кто пришел к соглашению относительно предмета спора; мирный же договор диктуют после своей победы на войне победители побежденным – подобно тому, как лакедемоняне, победив нас на войне, предписали нам и стены скрыть, и корабли выдать, и изгнанников возвратить из изгнания». Конечно, Андокид ошибается, когда таким образом проводит разграничение между εἰρήνη и σπονδαί, однако для нас важно подчеркнуть то, что афинский оратор показывает преимущества именно εἰρήνη по сравнению со σπονδαί в греческих межполисных отношениях своего времени.

³⁷ Еще К. Филлипсон считал, что надпись отсылает к самому Анталкидову миру. По мнению исследователя, «она (надпись. – Э.П.) заявляет, что афиняне публично хвалят его (Дионисия. – Э.П.) за усердие в сохранении условий Анталкидова мира» (Phillipson. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. Vol. 1. P. 185).

καλουμένης (Hell. V. 1. 36). Подобные обозначения присутствуют и у Филохора. В одном случае аттидограф говорит о том, что «царь ниспослал мир при Анталкиде» – τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ’ Ἀντιαλκίδου κατέπεμψεν ὁ βασιλεὺς (Philoch. FGtHist 328. F 149b). В другом случае мирный договор 375/4 г. до н.э. Филохор называет подобным миру, который был заключен «при лаконце Анталкиде» – παραπλήσιον αὐτὴν τῆι τοῦ Λάκωνος Ἀντιαλκίδου προσήκοντο (Philoch. FGtHist 328. F 151). Вообще же выражение «мир при Анталкиде» встречается намного чаще, чем какие-либо другие. Это сочетание становится общим местом в античной традиции: его употребляют такие известные авторы, как Феопомп (FGtHist. 115. F. 103, 7), Демосфен (XX. 54. 2), Полибий (I. 6. 2; IV. 27. 5; VI. 49. 5), Диодор Сицилийский (XV. 19. 1), Страбон (VI. 4. 2), Плутарх (Artax. 21. 5), Флавий Арриан (Anab. II. 1. 4; 2. 2).

Некоторые исследователи считают, что определения «Царский мир» и «мир при Анталкиде» должны были относиться не только собственно к мирному договору 387/6 г. до н.э., но и ко всем последующим соглашениям, которые были заключены по побуждению персидского царя и возобновляли условия последнего. Однако приводимые исследователями примеры такого употребления указанных определений не дают однозначного заключения³⁸.

Но считали ли греки Анталкидов мир первым договором из ряда соглашений всеобщего мира – κοινὴ εἰρήνη? Имел ли договор фактическое отношение только к тем греческим государствам, которые принимали участие в Коринфской войне 395–387 годов до н.э. или же распространялся на всех греков, включая тех, которые не принимали участия в военном конфликте

Определение κοινὴ εἰρήνη по отношению к Анталкидову миру встречается только у Диодора Сицилийского (XV. 5. 1), который говорит о нем как о «всеобщем мире при Анталкиде» – τοῖς Ἕλλησι κοινὴ εἰρήνη τῆς ἐπὶ Ἀντιαλκίδου. В дальнейшем, как рассказывает историк, Артаксеркс неоднократно побуждал греков к заключению всеобщего мира (Diod. XV. 38. 1; 50. 4; 51. 2; 70. 2; 76. 3). При этом традиционным в историографии стало стремление воспринимать Анталкидов мир именно как первый κοινὴ εἰρήνη³⁹. Нередко, однако, среди исследователей встречается мнение, что этот мирный договор в действительности не

Однако нередко высказывается мнение, что в псефизме, где встречается выражение [βασι]λέως εἰρήνη, афиняне хвалят Дионисия за помощь в согласовании мира 371/0 г. до н.э. – только лишь возобновления условий Анталкидова мира. Так, по мнению П. Стилиану, в 386–371 годах до н.э. Дионисий поддерживал спартанцев в использовании условий мирного договора против Афин и таким образом не мог удостоиться похвалы за помощь в заключении мира 386 г. до н.э. (Stylianou P.J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus Book 15. Oxf., 1995. P. 383). Однако участие Дионисия в согласовании мира 386 г. до н.э. вполне вероятно (см. Ael. Arist. I. 293). В новых же политических условиях, когда афиняне и спартанцы были уже союзниками в войне против фиванцев (с 370/69 г. до н.э.), должно было измениться их отношение к Царскому миру. Что же касается отношения афинян к самому Дионисию, то известны и прежние попытки афинян завязать отношения с сиракузским тираном (об этом подробнее см. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2005. С. 385).

³⁸ Так, Э. Кин (Philochorus F 149 A and B... P. 376) ссылается на несколько путаное сообщение Павсания (IX. 13. 2), согласно которому Эпаминонд участвовал в переговорах, когда «...лакедемоняне заключили так называемый мир при Анталкиде» (вероятно, здесь Павсаний смешивает два события – мирные договоры 386 и 372/1 г. до н.э.).

³⁹ См. Martin V. Sur une interpretation nouvelle... P. 131 sgg.; Payrau. ΕΠΗΝΙΚΑ... P. 46 sgg.; Ryder. Koine Eirene... P. 36; Quass F. Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. S. 40–42; Jehne M. Die allgemeinen Friedensschlüsse in Griechenland in 4 Jahrhundert v. Chr. // HZ. 1992. 255. 1. S. 110–111; Stylianou. A Historical Commentary on Diodorus Siculus... P. 163–164; Schmidt. The Peace of Antalcidas... P. 82 ff.

был всеобщим. По мнению Д. Льюиса, договор завершил «билатеральную» войну между Персией и Спартой⁴⁰. Аналогичным образом высказывается Э. Бэдиан, который утверждает: «Мир не был “всеобщим миром”, но по существу миром между противоборствующими сторонами в Коринфской войне»⁴¹. Дж. Баклер, в свою очередь, считает, что *κοινὴ εἰρήνη* в качестве *terminus technicus* является «творением» самого Диодора, возможно, результатом восприятия сицилийским историком стоических идей универсализма⁴². Между тем, на наш взгляд, выражение *κοινὴ εἰρήνη* стало традиционным для обозначения договоров всеобщего мира уже в начале IV в. до н.э., о чем свидетельствует повторяющееся его употребление в речи Андокида «О мире с лакедемонянами» (392 г.) (III. 17. 28. 34). Всеобщий характер договора также следует из того факта, что его условия об автономии больших и малых полисов должны были закономерно распространяться на всех греков (кроме малоазийских), а не только на тех, которые стали фактически участниками соглашения. Таким образом, следует говорить по крайней мере о трех аспектах восприятия греками соглашения 387/6 г. до н.э.: оно расценивалось как «Царский мир», «мир при Анталкиде» и «всеобщий мир».

Появление различных характеристик мирного договора едва ли было случайным. Так, например, когда греки обращали внимание на роль персидского царя в согласовании мирного договора, они соответственно называли его «Царским миром»; однако в том случае, если внимание акцентировалось на роли Анталкида и Спарты, то эллины предпочитали, очевидно, говорить об «Анталкидовом мире». Когда же подчеркивался универсальный характер договора, условия которого распространялись на все греческие полисы, а не только на участников договора, то его называли «всеобщим миром».

Далее, согласно договору 387/6 г. до н.э. сам персидский царь выступал гарантом соблюдения условий мирного договора греками, как это следует из царского рескрипта грекам: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами (ὁπότεροι δὲ ταύτην τὴν εἰρήνην μὴ δέχονται, ἐγὼ πολεμήσω μετὰ τῶν ταῦτά βουλομένων καὶ πλεῖν καὶ κατὰ θάλατταν καὶ ναυσὶ καὶ χρήμασιν) (Xen. Hell. V. 1. 31). Вероятно, под впечатлением от этого условия и принимая во внимание конкретную ситуацию, сложившуюся в греко-персидских отношениях сразу же после Анталкидова мира, афинский оратор Исократ в своем «Панегирике» называет персидского царя стражем мира, распорядителем дел греков, назначающим войну, устраивающим мир и вообще хозяином текущего положения дел: φύλαξ τῆς εἰρήνης (IV. 175); τοῦ πολεμοῦ κύριος ἐγένετο καὶ τὴν εἰρήνην ἐπριτανεύσεν καὶ τῶν παρόντων πραγμάτων ἐπιστάτης καθέστηκεν (IV. 121). Принятие этого царского рескрипта греческими государствами означало признание греками открытого вмешательства персидского царя в дела Эллады и ознаменовало собой новый этап развития греко-персидских отношений⁴³.

По мнению одних исследователей, персидский царь был непосредственным участником договора с греками⁴⁴, другие, однако, считают, что это был только

⁴⁰ Lewis. Sparta and Persia... P. 146.

⁴¹ Badian. The King's Peace... P. 43.

⁴² Buckler J. Philip II, the Greeks, and the King 346–336 B.C. // ICS. 1994. 19. P. 120; *idem*. Aegean Greece in the Fourth Century BC. London–Boston, 2003. P. 170.

⁴³ Urban. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr... S. 136–138.

⁴⁴ Так, Дж. Коуквелл резонно полагал, что представитель персидского царя пригнул миру (The King's Peace... P. 77).

договор между самими эллинами, которые связали себя общей клятвой по отношению к Великому царю Персии⁴⁵. В пользу последней точки зрения основные соображения привел Э. Бэдиан. По его мнению, царь не намеревался быть (и фактически не был) участником мира, который греческие воюющие стороны были призваны выработать для самих себя. Далее Э. Бэдиан продолжает: «...непостижимо, чтобы царь мог присягать миру с греческим городом». В более ранней своей работе, посвященной Каллиеву миру, исследователь более определенно разъясняет свою позицию. Он, ссылаясь на мнение швейцарского ученого В. Мартэна, замечает, что «...нельзя представить царя, присягающего греческому городу на равных условиях... он мог ниспосылать эдикт, устанавливавший свои условия»⁴⁶. В конечном итоге, историк считает, что в тех случаях, когда мы встречаем в источниках ссылки на Анталкидов мир как на договор греков с царем, то они отражают скорее представления эллинов о статусе персидского царя по договору, нежели действительное положение дел. Реальный мир, условия которого были написаны на стеле, как замечает Э. Бэдиан, не мог содержать клятву царя, так как мир заключался отнюдь не между царем и каким-либо греческим государством (или «греками» в целом)⁴⁷. Действительно, Ксенофонт (Hell. V. 1. 35) говорит о том, что греки принесли клятвы в соответствии с присланными царем условиями мира; сам же договор был «первым миром между лакедемонянами, афинянами и их союзниками за всю войну», и, таким образом, греческий историк не называет царя в качестве участника мирного договора.

Однако хотелось бы заметить следующее. Во-первых, большинство авторов единодушно свидетельствуют, что Анталкидов мир был именно «договором с царем» – πρὸς βασιλέα⁴⁸. Во-вторых, в сохранившихся начальных строках афинской псефизмы о союзе с Хиосом 384/3 г. до н.э. упоминается персидский царь как участник договора с греками, поклявшийся быть верным его условиям⁴⁹. Эту надпись от заключения Анталкидова мира, как нетрудно заметить, отделяет чуть более двух лет, и она может быть решающим аргументом в пользу того, что, как считали греки, персидский царь был участником договора. Другой вопрос, закономерно поднятый Э. Бэдианом: присягал ли царь на верность договору с греками? Можно утверждать, что царь, разумеется, не приносил клятву лично, так как греки заключали договор в отсутствие царя: основные переговоры проходили сначала в Сардах, а затем в Спарте. Однако не исключено, что в Сардах клятву от имени царя мог произнести не кто иной, как сам сатрап

⁴⁵ Badian. The King's Peace... P. 37.

⁴⁶ *Idem*. The Peace of Callias // JHS. 1987. 107. P. 27; *idem*. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore–London, 1993. P. 41 ff.

⁴⁷ *Idem*. The King's Peace... P. 38.

⁴⁸ Isocr. VIII. 16; XII. 60. 2; Dem. XV. 9. 29; Diod. XIV. 117; Theop. FGHist. 115. F 103, 7.

⁴⁹ Tod. II. № 118, сткк. 13–15; русск. пер. И.А. Шишовой: «[Хиосцы] помнят об общих решениях, записанных у эллинов: сохранять, как и афиняне, мир, дружбу, клятвы и существующие договоры, чему присягнули царь, афиняне, лакедемоняне и другие эллины...» (διαφυλάξειν καθάπερ Ἀθηναῖοι τὴν εἰρήνην καὶ τὴν φιλίαν καὶ τοὺς ὄρκους καὶ [τὰς οὐσὰς συνθήκας], [ἄ]ς ὡμοσεν βασιλεὺς[ι] καὶ [Ἄ]θηναῖοι καὶ Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ἄλλοι [Ἕλληνας]) (сткк. 8–12); «...и они прибыли с благими предложениями для афинского народа, всех эллинов и для царя» (καὶ ἦκουσιν ἀγαθὰ ἐλαγγελλόμενοι τῶν δημοῖν τῶν Ἀθηναίων καὶ ἀλαση. τῆι Ἑλλάδι καὶ βασιλεῖ). Интерпретацию данных надписи с указанием на литературу см. Маринович Л.П. Второй Афинский морской союз // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учеб.-метод. комплекс. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 87–88.

Тирибаз. Греки допускали такого рода клятвы «заочно», при отсутствии одного из участников договора, как мы знаем из обстоятельств заключения спартано-персидских договоров 412–411 годов до н.э., в которых царь был одним из их участников, а также афино-персидского соглашения о статусе Калхедона в 409 г. до н.э.⁵⁰ Но даже в том случае, если царь действительно не присягал на верность договору с греками, он все равно был его участником, не только как одна из сторон, но как арбитр, который призван был следить за соблюдением договора.

Отсюда возникает следующий вопрос: было ли условие о Великом царе как гаранте мира единственным, на основании которого греки считали, что договор заключен именно с царем? Ключ к дальнейшему прояснению статуса персидского царя в Анталкидовом мире дают ссылки Арриана на некие договоры митиленцев и тенедосцев с царем Дарием III, которые были заключены «при Анталкиде». Речь, безусловно, идет об интересующем нас мире. По сообщению Арриана, персидские военачальники потребовали как от митиленцев, так и от тенедосцев разорвать свои договоры с Александром Великим и стать союзниками Дария, какими они были по Анталкидову миру с царем Дарием (Агг. Anab. II. 1. 4; 2. 2)⁵¹. Между тем, это заявление Арриана нуждается в ряде корректировок. Во-первых, неправомерным выглядит упоминание имени царя Дария как участника Анталкидова мира; во-вторых, представляется, что отношения персидского царя с греческими полисами скорее всего должны характеризоваться как φιλία – «дружба», а не συμμαχία – «военный союз», поскольку в действительности договор не был направлен против какого-либо государства, а кроме того, некоторые тексты используют именно φιλία при ссылках на Анталкидов мир⁵². «Союз на вечные времена» (εἰς ἄλυστα τὸν χρόνον συμμαχία), насколько можно судить по краткому замечанию оратора Исократ (IV. 128), с царем заключили еще спартанцы, очевидно, в преддверии начала мирных переговоров в Сардах в 387 г. до н.э.; в таком случае спартано-персидская симмахия была направлена против враждебных им участников Коринфской войны. Установление «дружественных отношений» эллинов с персидским царем в полной мере отвечало логике развития греко-персидских отношений со времени Каллиева мира.

Самое же разительное отличие прежних договоров с Персией от Анталкидова мира заключалось в том, что теперь в договорных отношениях с Великим царем состояло не какое-либо одно греческое государство, но все греки, а не только присягнувшие на верность соглашению (в том числе и названные Аррианом митиленцы и тенедосцы, принадлежавшие к гражданам тех полисов, которые были признаны независимыми по Анталкидову миру).

Условие, согласно которому царю должны принадлежать греческие города Малой Азии, решало в пользу персов проблему малоазийских греков, которая

⁵⁰ Ксенофонт сообщает о порядке принесения клятв при заключении соглашения в Калхедоне: афинские стратеги и сатрап Фарнабаз принесли взаимные клятвы (Hell. I. 3. 8–9); однако ввиду своего отсутствия при заключении договора Алкивиад принес клятву в Хрисополе послам Фарнабазу Митробату и Ариапу, а Фарнабаз в Калхедоне – Алкивиадовым послам Эвриптолему и Диотиму (Hell. I. 3. 11–12).

⁵¹ Об историческом контексте такого рода заявлений см. *Холод М.М.* Персидская политическая пропаганда во время восточного похода Александра Македонского // *Война и военное дело в античности* (Para bellum! № 12). СПб., 2000. С. 31–34; *Рунг Э.В.*, *Холод М.М.* Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н.э. // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 5. СПб., 2006. С. 61.

⁵² IG II.2. 35. Fr. a, 3; ср.: *Philoch.* FGrHist. 328. F 157; *Androtion.* FGrHist. 324. F 53; *Anaximenes.* FGrHist. 72. F 28.

долгое время служила камнем преткновения в отношениях Афин, Спарты и Персии⁵³. Претензии царя на Кипр и Клазомены также понятны: упоминание в тексте рескрипта, а следовательно, и в договоре, Кипра должно было в дальнейшем развязать руки Артаксерксу в завершении Кипрской войны и лишить Эвагора помощи афинян. Клазомены, как это хорошо показал С. Ружичка, служили местом сбора персидских войск для борьбы с Эвагором, и этим фактором было обусловлено упоминание данного полиса⁵⁴. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, согласно тексту царского рескрипта, а следовательно – договора, должна была предоставляться автономия. Исключение было сделано для островов Лемноса, Имброса и Скироса, которые признавались афинскими владениями.

Теперь следует задаться вопросом, который часто также поднимают исследователи: определял ли договор Анталкидова мира «блюстителей мира» среди самих греческих полисов? Были ли претензии Спарты на роль защитника мира обусловлены самим договором с греками и царем? На этот счет Ксенофонт (Hell. V. 1. 36) заявляет, что лакедемоняне благодаря этому миру получили значительное превосходство (πολὺ ἐπικυδέστεροι ἔγενοντο ἐκ τῆς ἐπ' Ἀνταλκίδου εἰρήνης καλουμένης), поскольку стали блюстителями присланных царем мирных условий и добывали автономию греческим городам (πρόσταται γὰρ γένομενοι τῆς ὑπὸ βασιλέως καταλεμφθείσης εἰρήνης καὶ τὴν αὐτονομίαν ταῖς πόλεσι πράττοντες). Некоторые исследователи склонны буквально понимать это заявление Ксенофонта, как то, что договор определял Спарте роль блюстителя мира⁵⁵. Р. Сиджер, однако, замечает: «Царский рескрипт не предназначал Спарте или какому-либо другому городу роль *prostates* мира. Царь сам выступает как единственный гарант мира и как самоназначенный лидер тех, которые желают бороться за его соблюдение. Однако Персия показала готовность и желание позволить Спарте взять на себя *prostasia* договора...»⁵⁶. И с этим мнением, очевидно, можно согласиться.

* * *

После заключения Анталкидова мира Артаксеркс II создал себе условия для завершения Кипрской войны и возобновления борьбы против Египта. Основные события конфликта с Эвагором развернулись только после 386 г. до н.э. Источники сообщают о долгих приготовлениях Артаксеркса к войне против Эвагора: создании сухопутного войска и флота, назначении военачальником над

⁵³ О том, что даже после Анталкидова мира малоазийские греческие города, вопреки популярному мнению современников (см. *Isocr.* IV. 123), в правовом отношении считались автономными по отношению к Великому царю Персии (правда, их автономия была ограничена условиями выплаты дани), показывает относительно недавно опубликованный синопско-гераклеяский договор (см. *Ефремов Н.В.* Договор о симмахии между Синопой и Гераклеей Понтийской (Попытка исторической интерпретации) // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. М., 2006. С. 78–105). В соглашении особо оговариваются совместные действия союзников в случае нападения кого-либо из подданных персидского царя – организация посольства к царю с требованием вывести войска с их территории.

⁵⁴ *Ruzicka S.* Clazomenae and Persian Foreign Policy, 387/6 B.C. // *Phoenix.* 1983. 37. № 2. P. 108; *idem.* Athens and the Politics of Eastern Mediterranean in the Fourth Century B.C. // *AncW.* 1992. 1. P. 65.

⁵⁵ *Wilken.* Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens... S. 17; *Quass.* Der Königsfriede... S. 49; *Urban.* Der Königsfrieden... S. 126; *Jehne.* Koine Eirene... S. 40–41.

⁵⁶ *Seager.* The King's Peace and the Balance of Power in Greece. P. 38.

войском Оронта, зятя царя, и над флотом – Тирибаза (Diod. XV. 2. 3). Основные морские силы Персии собирались в заливе Смирны.

Диодор особо упоминает греческие города Фокею и Кимы, а это предполагает, что значительную часть флота составляли малоазийские греки (ионийцы и эолийцы). Эти сведения подтверждает Исократ, который называет эллинских наемников самой боеспособной частью войска Тирибаза, а ионийцев – основой флота (Isocr. IV. 135). Столь массовый призыв во флот малоазийских греков, впервые за сто лет (со времени завершения Греко-персидских войн (в 479 г. до н.э.), очевидно, был вынужденной мерой со стороны персидской администрации. Дело в том, что, насколько мы знаем, основные военно-морские базы, располагавшиеся на побережье Киликии и Финикии, были к тому времени потеряны для Персии. Диодор (XV. 2. 4) и Исократ (IV. 161; IX. 62) сообщают, что Эвагор опустошил Финикию, взял штурмом Тир и склонил к отпадению от царя Киликию (из 90 триер Эвагора 20 кораблей были тирийские: Diod. XV. 2. 4). Таким образом, мобилизация малоазийских греков для участия в персидском войске и флоте была прямым следствием того условия Анталкидова мира 387/6 г. до н.э., по которому царю должны принадлежать греческие города, расположенные в Малой Азии.

В период Кипрской войны Персия также предпринимает наступление против Египта. Об этом персидском нападении на Египет кратко сообщает только Исократ в своем «Панегирике» (IV. 140): «Когда против царя восстает Египет... царь послал на войну своих лучших полководцев Аброкома, Тифравста и Фарнабаза, а те, протоптавшись на месте три года и испытав больше поражений, чем удач, отступили из Египта с таким позором, что восставшие, не довольствуясь добытой свободой, уже посягают на соседние земли». *Terminus ante quem* для этой египетской кампании является 380 г. до н.э., – с одной стороны, это год смерти царя Акориса и вступления на престол в Египте Нектенеба, а с другой – примерная дата составления «Панегирика» Исократом. Одни исследователи датировали событие 389–387 годами до н.э., относя его к сражению при Китии к 386 г. до н.э.⁵⁷, другие, однако, принимали более поздние даты: 385–383 и 383/2 годы до н.э. соответственно. Последний подход к датировке трехлетней египетской кампании Персии против Египта представляется продуктивным на том основании, что Исократ упоминает об этом событии непосредственно перед своим сообщением о Кипрской войне. Следует также признать правоту С. Ружички, который называл в качестве *terminus post quem* для подготовки египетской кампании 389 г. до н.э.⁵⁸ Именно в этот год Фарнабаз был отозван с эгейского театра военных действий под предлогом вступления в брак с царской дочерью Апамой (Xen. Hell. V. 1. 28) и мог получить командование в египетской кампании, которое он сохранял и в течение последующих 370-х годов до н.э. (Diod. XV. 41–43; Nepos. Datam. 3). Другой персидский военачальник Аброком готовился к экспедиции против Египта уже с 401 г. до н.э. (спустя несколько лет после отпадения страны), и руководил собранными для этой цели войсками (Xen. Anab. I. 4. 5, 18; VII. 12). Однако мятеж Кира Младшего и все последующие

⁵⁷ Judeich W. Kleinasiatische Studien. Untersuchungen zu griechisch-persischen Geschichte des IV Jahrhunderts v. Ch. Marburg, 1892. S. 153–154; Lenschau Th. Pharnabazus // RE. 1938. Bd 19. Sp. 1847; Ruzicka. Clazomenae and Persian Foreign Policy... P. 106.

⁵⁸ Впрочем, С. Ружичка, на мой взгляд, необоснованно датирует персидскую экспедицию в Египет 389–387 гг. до н.э. (Clazomenae and Persian Foreign Policy... P. 106; *idem*. Athens and the Politics of Eastern Mediterranean... P. 63–64).

события в Эгееде должны были надолго отсрочить реализацию этого плана, и именно продолжительные задержки в начале экспедиции, вероятно, могли побудить Артаксеркса усилить командный состав персидского войска, направив Аброкому на помощь Фарнабаза и Тифравста. Что касается последнего, то мы уже ранее встречали его в должности хилиарха и царского представителя в Малой Азии. Таким образом, персидский поход в Египет почти наверняка должен был начаться также только после заключения Анталкидова мира с греками⁵⁹.

После заключения мира внешнеполитические устремления спартанцев определялись задачами восстановления собственной гегемонии в Греции. Используя персидскую поддержку в своих интересах, спартанцы первым делом приступили к осуществлению далеко идущих планов. Сразу же после согласования мирного договора они добились принятия его требований фиванцами на условиях предоставления автономии городам, означавших роспуск Беотийского союза (Xen. Hell. V. 1. 32–33, 34) и расторжение союза между Коринфом и Аргосом. Затем лакедемоняне приступили к наказанию своих союзников, которые оказались неблагоденными во время прежней Коринфской войны. После 386 г. до н.э. они направили свои репрессии на Мантинею (Xen. Hell. V. 2. 1–7; Diod. XV. 5. 3–5; 12. 1–2), затем на Флиунт (Xen. Hell. V. 3. 10–17, 21–25) и, наконец, начали так называемую Олифскую войну (Xen. Hell. V. 2. 11–24, 37–43; 3. 1–9, 26; Diod. XV. 19. 2–4, 21. 1–3, 22. 2, 23. 2–3). Античная историческая традиция сохранила обвинения Спарты в нарушении условий Анталкидова мира. Так, Феопомп, согласно эпитоме Фотия, сообщал о том, «...каким образом полис афинян решил соблюдать договор с царем, лакедемоняне же, чрезмерно возгордившиеся, нарушили договор» (Theop. FGrHist. 115. F. 103. 7). На этот счет довольно красноречиво высказывается Диодор Сицилийский. Говоря об организации похода спартанцев против Мантиней в 385 г. до н.э., историк констатирует: «...лакедемоняне решили выступить против Мантиней, никак не заботясь о заключенном договоре...» (Diod. XV. 5. 1). Из этих сообщений следует, что другие эллины считали, что спартанцы не имели какого-либо особого статуса по условиям договора с царем и воспринимали их как равноправных участников соглашения. Вероятно, именно в таком качестве спартанцев должны были воспринимать Эвагор Саламинский и Глос, сын Тамоса; оба обратились в Спарту с предложением заключить военный союз против Персии в период Кипрской войны. И хотя по каким-то причинам спартанцы отказались заключить союз с Эвагором (Theop. FGrHist. 115. F. 103. 10; Isocr. IV. 134–135)⁶⁰, они согласились установить

⁵⁹ Г. Шримптон приводит аргументы в пользу одновременности персидского нападения на Кипр и Египет, чтобы предотвратить их помощь друг другу, и датирует эти события 387/6 г. до н.э. (Persian Strategy against Egypt... P. 5). Однако, во-первых, такой план был бы рискованным для Персии: персы стали бы вести войну на два фронта, и вероятность неудачи была бы очень велика. Во-вторых, сообщение Диодора (XV. 3. 2) о помощи, оказанной Акорисом кораблями и деньгами Эвагору накануне битвы при Китии, предполагает, что в то время Египет едва ли уже находился под угрозой персидского вторжения. Эти аргументы не поддерживают мнение Г. Шримптона. Скорее, военные действия против Египта завершились еще до того, как персы нанесли решающее поражение восставшим киприотам в морской битве при Китии, а затем подвергли осаде Саламин, положив начало долгим переговорам об условиях капитуляции. Если мы датировем сражение при Китии 385/4 г. до н.э., то персидская экспедиция против Египта должна относиться к предшествующим годам Кипрской войны (возражения против точки зрения Г. Шримптона см. Tuplin C.J. Achaemenid Studies. Stuttgart, 1996. P. 9–15).

⁶⁰ Г. Шримптон датирует посольство Эвагора в Спарту 381/80 г. до н.э. (Persian Strategy against Egypt... P. 3).

союзнические отношения с Глосом, сыном Тамоса (Diod. XV. 9. 3–5; 18. 1; 19. 1). Как известно, Глос был назначен одним из персидских военачальников в Кипрской войне, но впоследствии поднял восстание против Великого царя Персии⁶¹. Мятеж Глоса, вероятно, начался уже после заключения мира с Эвагором, но, очевидно, еще до смерти царя Акориса в Египте; он, таким образом, приходится на 380-е годы до н.э. Если следовать хронологии Диодора, восстание Глоса нужно датировать 385 годом до н.э.

В свою очередь, Т. Райдер предположил неточность в той хронологии мятежа Глоса и, следовательно, заключения союза со спартанцами, которая присутствует у Диодора⁶². По мнению исследователя, вся ситуация, связанная с этим мятежом, подходила больше для заключительного периода Кипрской войны, а не для того времени, когда прошло всего два года после Анталкидова мира. С указанным мнением вполне можно согласиться: хронология Кипрской войны в изложении Диодора не может считаться корректной. Далее, если следовать аргументам Райдера, то спустя два года после Царского мира спартанцы должны были все еще быть признательны царю за его поддержку их действий в Греции по утверждению своей гегемонии. Наконец, и само замечание Диодора при его рассказе о мятеже Глосса о том, что спартанцы к тому времени уже вовлекли города в хаос и порабощали их (Diod. XV. 9. 5), указывает, что историк говорит о завершающих годах Кипрской войны. Поэтому Т. Райдер относит союз лакедемонян и Глоса к 380/79 г. до н.э. Факт заключения союза с персидским мятежником может несколько озадачить, однако можно согласиться с характеристикой, данной ему С. Хорнблауэром, как «курьезный, но весьма вероятный эпизод»⁶³. Но курьезным он выглядит только на первый взгляд. Диодор считает, что целью спартанцев было восстановить свою популярность в Греции, которая, как они думали, была низкой из-за их сотрудничества с Персией. По мнению С. Душанича, Кипрская война и союз Глоса с египетским царем Акорисом дали великолепную возможность для новой ориентации восточной политики Агесилая, которая проводилась им до 380 г. до н.э.⁶⁴ Как уже было замечено выше, Агесилай не испытывал особого энтузиазма по поводу заключения Анталкидова мира с Персией, но он пытался приспособиться к новой политике Спарты и в полной мере использовать всевозможные выгоды, которые спартанцы получали вместе с этим договором. Однако это, естественно, не означало, будто бы Агесилай отказался от мысли о возобновлении войны с Персией, надежду на которую могло дать ему заключение союза спартанцев с Глосом, сыном Тамоса.

Согласившись на заключение Анталкидова мира, афиняне, во-первых, отстаивали свою независимость, избежав повторения событий конца Пелопоннесской войны, когда Спарта в союзе с Персией добилась их капитуляции на унижительных условиях; во-вторых, афиняне сумели сохранить также добытые во время Коринфской войны позиции. Надо сказать, что афинские политики, несомнен-

⁶¹ Подробнее см. *Swoboda H. Glos (2) // RE. 1910. Bd 7. Sp. 1431; Ruzicka S. Glos, son of Tamos, and the End of the Cypriot War // Historia. 1999. 48. 1. P. 23–43.*

⁶² *Ryder T.T.B. Spartan Relations with Persia after the King's Peace: a Strange Story in Diodorus 15, 9 // CQ. NS. 1963. 13. № 1. P. 106.* Эту датировку восстания Глоса фактически принимает и С. Ружичка (*Glos, son of Tamos... P. 31*). По мнению П. Стилиану, восстание Глоса следует датировать самое позднее 383/2 г. до н.э. (*A Historical Commentary on Diodorus Siculus... P. 148–149*).

⁶³ *Hornblower. The Greek World... P. 203.*

⁶⁴ *Dušanič S. The Attic-Chian Alliance (IG II² 34) and the 'Troubles in Greece' of the Late 380's BC // ZPE. 2000. 133. S. 28–30.*

но, извлекли определенные уроки из прошлого, в полной мере осознав в сложившейся ситуации роль Персии в греческих делах⁶⁵.

Понимание значения персидского фактора в межполисных отношениях в Греции способствовало принятию Афинами более осторожной и предусмотрительной, чем когда-либо прежде, политики в отношении Персии. В этом отчасти может заключаться причина того, что, по словам А. Олмстэда, Афины скрупулезно придерживались буквы Царского мира, даже когда нарушали его дух⁶⁶. В аналогичном духе высказывался и Ф. Хардинг: «Свидетельства показывают, что афиняне не были глупы. Со времени Великого Царского мира и далее в течение трех десятилетий существуют многочисленные документированные доказательства, что афиняне заботились о том, чтобы не причинять неприятностей Великому царю»⁶⁷. С. Душанич констатирует: «Большинство афинян должны были выбрать мудрую политику»⁶⁸.

В конце 380-х годов до н.э. афиняне уверенно взяли курс на возрождение своего морского союза, очевидно ожидая, что Персия не будет препятствовать этому, примером чему является серия договоров афинян с материковыми и островными полисами на рубеже 380–370-х годов до н.э.⁶⁹ Особенно примечательны в этом отношении уже упомянутые выше ссылки на условия Царского мира в афинской псефизме о союзе с Хиосом 384/3 г. до н.э.

«Псефизма Аристотеля» 378/7 г. до н.э., которая провозглашала создание Второго афинского морского союза и устанавливала некоторые принципы его организации, содержала несколько ссылок на условия Анталкидова мира⁷⁰. В документе, в частности, заявлено: «Если кто-нибудь из эллинов или варваров, живущих на материке или на островах, из тех, кто не находится под властью царя (курсив мой. – Э.Р.), пожелает быть союзником афинян и их союзников, пусть будет это ему позволено; пусть останется он свободным и автономным, имея государственный строй, какой желает, не принимая к себе ни гарнизона, ни правителя над собой, не платя φόρος, а на тех же самых условиях, что хиосцы, фиванцы и другие союзники» (IG II². 43 = Tod. II. 123). Рассмотрение документа позволяет сделать вывод о попытке афинян примирить создание союза

⁶⁵ Суровая критика Исократом в «Панегерике» (IV. 115–121, 175–180) Анталкидова мира отражает, очевидно, не только его личное мнение, но и позицию тех афинян, которые воспринимали этот договор прежде всего как вмешательство персов в дела греков. Однако ритор непоследователен в отстаивании этой точки зрения. В другой своей речи «О мире» (ок. 358–355 гг. до н.э.) он считает этот мир неким эталоном, по примеру которого греки должны заключать свои договоры впредь (VIII. 16, 20, 68). О восприятии Исократом Анталкидова мира подробнее см. *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 157–165; *Urban. Der Königsfrieden...* S. 143–160.

⁶⁶ *Olmstead.* The History of the Persian Empire... P. 404.

⁶⁷ *Harding Ph.* Athenian Defensive Strategy in the Fourth Century // Phoenix. 1988. 42. № 1. P. 67.

⁶⁸ *Dušanič.* The Attic-Chian Alliance... P. 24. Впрочем, и Дж. Баклер также подчеркивает, что «Афины всегда стремились тщательно соблюдать корректность в отношениях с Персией» (*Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н.э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 91)

⁶⁹ Об этих договорах см. *Badian.* The Ghost of Empire... P. 86–90.

⁷⁰ Обращение к условиям Анталкидова мира уже присутствует в документе в сткк. 12–14, которые были преднамеренно выскоблены, но теперь частично восстановлены. По крайней мере, в них можно увидеть упоминание царя (*Seager.* The King's Peace... P. 169).

городов с условиями Анталкидова мира. Этой цели, во-первых, служит исключение *a priori* из числа афинских союзников городов Малой Азии, которые пребывали под персидской властью после 386 г. до н.э., а во-вторых, объявление, что союзнические отношения строятся на принципах соблюдения $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu\omicron\mu\iota\alpha$ $\kappa\alpha\iota$ $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\iota\alpha$. Союз носил открыто выраженный антиспартанский характер (IG II². 43A. L. 9–10), но он, очевидно, не встретил особого противодействия со стороны персидской администрации⁷¹.

В 380 г. до н.э. египетский царь Акорис продолжал готовиться к отражению очередного персидского вторжения в Египет. Он сформировал войско, состоявшее из эллинских наемников, и пригласил в качестве военачальника афинянина Хабрия, к тому времени уже известного стратега периода Коринфской войны. Последний до своего прибытия в Египет воевал на Кипре на стороне Эвагора против персов (Xen. Hell. V. 1. 10), по словам Непота (XII. 2), как представитель афинского государства (*publice ad Atheniensibus Euagore adiutor datus*). В то же время, решение отправиться в Египет Хабрий принял уже «без ведома афинского демоса», как предполагает сообщение Диодора (XV. 29. 2: $\alpha\upsilon\epsilon\upsilon$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon$ $\delta\eta$ $\mu\omicron\upsilon$ $\gamma\upsilon\omega\mu\eta\varsigma$)⁷². Такое изменение в официальной позиции афинян объяснимо с учетом того, что Хабрий отправился на Кипр еще во время Коринфской войны в соответствии с условиями союза афинян с Эвагором; в Египет же – после Анталкидова мира 387/6 г. до н.э.⁷³

Между тем, после первой неудачи персов главнокомандующим персидской армией, готовящейся к вторжению в Египет, опять был назначен Фарнабаз, который, принимая в расчет прежние свои связи с Афинами, добился отзыва афинянами Хабрия, а также назначения Ификрата предводителем греческих наемников персидского войска. Диодор (XV. 29. 3–4) сообщает о действиях Фарнабаза: «Он направил послов к афинянам, обвинив Хабрия за то, что тот, находясь во главе египтян, способствует отчуждению в отношениях царя и [афинского]

⁷¹ О «псефизме Аристотеля» и основании второго Афинского морского союза существует довольно значительная литература. Основные работы см., например: *Cawkwell G.L.* The Foundation of the Second Athenian Confederacy // *CQ*. NS. 1973. 23. № 1. P. 47–60; *Griffith G.T.* Athens in the Fourth Century // *Imperialism in the Ancient World* / Ed. P.D.A. Garnsey and C.R. Whittaker. Cambr., 1976. P. 137 ff.; *Cargill J.L.* The Second Athenian League. Empire or Free Alliance Berkeley, 1981. P. 17–27; *Hamilton C.D.* Diodorus on the Establishment of the Second Athenian League // *АНВ*. 1989. 3. № 5. P. 93–101; *Dreher M.* Hegemon und Symmachoi: Untersuchungen zum Zweiten Athenischen Seebund. B.–N.Y., 1995 (об отношениях Афин и их союзников); *Barron C.A.* The Aristoteles Decree and the Expansion of the Second Athenian League // *Hesperia*. 2006. 75. № 3. P. 379–395; *Маринович Л.П.* Второй Афинский морской союз. С. 82–113; *Антонов В.В.* К вопросу о характере Второго Афинского морского союза // XII Чтения памяти проф. С.И. Архангельского. Материалы Международной конф. Ч. 1. Нижний Новгород, 2001. С. 7–11; *он же.* Второй Афинский морской союз и возрождение имперской политики Афин в первой половине IV в. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Нижний Новгород, 2003. В выскобленных начальных строках псефизмы Аристотеля, как часто предполагают, могла содержаться ссылка на условия Анталкидова мира.

⁷² О пребывании Хабрия в Египте см. *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 102; *Parke H.W.* Greek Mercenary Soldiers From the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxf., 1933. P. 60–62.

⁷³ Хабрий, очевидно, пребывал на Кипре с 389 по 386 г. до н.э. и покинул остров только после заключения Анталкидова мира. По предположению П. Стилиану, в Египте он находился с 386 по 380/79 г. до н.э. (*Stylianou.* A Historical Commentary on *Diodorus Siculus*... P. 146, 150).

народа, призывал он дать ему стратегом Ификрата. Афиняне, заботясь о том, чтобы добиться благорасположения к ним царя и склонить на свою сторону Фарнабаза, быстро возвратили Хабрия из Египта и направили Ификрата стратегом по союзу с персами». В самих Афинах, несомненно, в направлении Ификрата в персидский лагерь, увидели долгожданный повод, чтобы попытаться нейтрализовать, или даже в лучшем случае привлечь на свою сторону Персию в канун нового обострения отношений со Спартой⁷⁴. Эта политика в конечном итоге принесла свои плоды, и персы на некоторое время оказались в стороне от греческих дел.

Наконец, необходимо задаться вопросом: каким годом все же следует датировать официальное прекращение действия Анталкидова мира? Разумеется, нет нужды считать, что этот договор создал систему, отличающуюся особой стабильностью и просуществовавшей вплоть до основания Коринфского союза македонским царем Филиппом II в 338/7 г. до н.э. Царский мир прекратил свое существование гораздо раньше, о чем существует вполне недвусмысленное указание Диодора Сицилийского. После сообщения о нападении спартанского отряда во главе с гармостом Сфодрием на афинский порт Пирей в 378/7 г. до н.э. историк замечает: «Афиняне... постановили признать лакедемонян виновными в нарушении договора, осудив их за начало войны с ними... (Ἀθηναῖοι... ἐψηφίσαντο λελύσθαι τὰς σπονδὰς ὑπὸ Λακεδαιμονίων κρίναντας δὲ πολεμεῖ αὐτοῖς...)» (Diod. XV. 29. 7). Таким образом, сообщение Диодора позволяет прийти к заключению, что афиняне фактически денонсировали мирный договор⁷⁵. Таким же образом и предложение Артаксеркса II грекам несколько лет спустя, в 375/4 г. до н.э., заключить новое соглашение на условиях прежнего Анталкидова мира (Diod. XV. 38. 1–2; Philoch. FGrHist. F. 151), вполне определенно предполагает, что и персидский царь стал тоже считать этот договор уже утратившим силу на тот момент времени.

Итак, подведем некоторые итоги. Прежде всего, Анталкидов мир был заключен греками в определенной политической ситуации в период Коринфской войны. Во многом договор носил компромиссный характер. Он устраивал Персию, которая добилась важных уступок от участников договора – и главную – юридическое оформление права на осуществление контроля над малоазийскими греками. В свою очередь, спартанцы добились благоприятного для себя договора, который давал грекам надежду на создание межполисной системы, построенной на принципах «независимости и свободы», которые были прямо заявлены в тексте договора. Именно компромиссный характер Анталкидова мира 386 г. до н.э. послужил главной причиной скорого прекращения его действия и начала новых конфликтов.

⁷⁴ Как справедливо обращает внимание Л.П. Маринович, в данном случае мы видим пример того, что командиром наемников Ификрат стал не столько по собственной инициативе, как наиболее часто происходило в прошлом, но по поручению своего полка (Греческое наемничество... С. 104). О службе Ификрата в Египте см. также Parke. *Greek Mercenary Soldiers*... P. 105–106.

⁷⁵ Так, например, информацию Диодора оценивает Дж. Коуквелл (Cawkwell G.L. *The Foundation of the Second Athenian Confederacy* P. 52; *idem*. *The King's Peace*... P. 75). Правда, иногда также встречается точка зрения, что Анталкидов мир оставался в силе даже после 378/7 г. до н.э., несмотря на обвинения в нарушении его условий спартанцами (Sinclair. *The King's Peace*... P. 52–53; Munn M.H. *The Defence of Attica: The Demia Wall and the Boiotian War of 378–375 B.C.* Berkeley, 1993. P. 147).

THE PEACE OF ANTALCIDAS

E. V. Rung

The article is devoted to the interpretation of the evidence relating to the conclusion of the Peace of Antalcidas of 386 BC. This peace was a result of the political situation in the Eastern Mediterranean in the early 4th c. BC. It put an end to the Corinthian War and was also a kind of agreement between Greeks and Persians, under which the Persian King was not only a contracting party (as it was in the Peace of Callias and Spartan-Persian allied treaties), but established himself as the guarantor of the peace conditions proclaiming that he should wage the war against all disturbers of peace. How long did Persia dominate Greece in the period from the King's Peace to the rise of Macedonia? It seems definite that the period of 386–380 BC was the culmination of the Persian influence upon Greek affairs. It is doubtless that the King's influence upon the Greek affairs was maintained by Sparta's dominant role in Greece. It was due to the position of the Spartans as the defenders (*prostatai*) of this peace, which was obtained by them because of their *friendship* with Persia. When Sparta lost its hegemony (after the battle of Leuctra in 371 BC), the King of Persia lost his dominance over Greek affairs.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СТОЛЕТОВА